

Дохов Р. А. Позиционный принцип, территориализация и позициональность // Родоман: Сборник статей и воспоминаний / Под ред. Т. И. Герасименко. — Издательские решения: 2024. — С. 49–58.

Позиционный принцип, территориализация и позициональность

Дохов Руслан Ахмедович

*кафедра социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М. В. Ломоносова,
факультет географии и геоинформационных технологий ВШЭ*

Введение

Позиционный принцип Родомана прост и ясен, изящно обобщает множество туманных писаний географов о роли географического положения и дает ключи к его прикладной, в частности параметрической, интерпретации. Заложённая в него методологическая идея позиционной редукции [Родоман, 1979] — сведения всего набора свойств объекта к пространственному (территориальному) положению — не только выражает своеобразие географического знания, но и позволяет географу в комплексной работе с любым территориальным объектом обнаружить свое поле, которое не изучается коллегами из других дисциплин, но хорошо описывается на географическом языке, и дает знание, необходимое для анализа материалов, получаемых в других предметных оптиках. Позиционная редукция таким образом — ключевой методологический прием географа, формирующий его идентичность как специалиста по многообразным позициям, попадая в которые (или занимая, или формируя их) объекты меняют свойства закономерным образом.

В поздней работе [Родоман, 2021, с. 15] автор задается вопросом «Специфична ли для географии позиционная редукция или она в этой науке лишь больше всего порождается?» Можно предположить, что на это Родомана навели размышления о применении специфичных географических методов к пространствам (и объектам) других, нетерриториальных типов [Родоман, 1970; см. также примеры такого рода: Каганский, Шрейдер, 1992; Каганский, 2022]. Осознание сложных позиционных отношений, определяющих форму (а часто саму возможность) существования объектов и процессов, произошло за прошедшие полвека и в других дисциплинах. Отчасти это привело к поверхностному заимствованию части географических понятий, перетолкованных странным для географа образом [Смирнягин, 2016b]. Представляется тем не менее, что расширение дискуссий о содержании этих понятий идет на пользу как спатиализирующимся представлениям других дисциплин, так и самой географии, получающей живительную инъекцию новых взглядов.

Сегодня в социальных науках огромное внимание уделяется идее позициональности всякого знания. Отвергая (но редко опровергая) позитивистские представления об универсальности научного знания, формируется представление о зависимости получаемого результата от фигуры исследователя, понимаемой как пересечение множества позиций в различных социальных полях: классовом, расовом, гендерном, этническом, возрастном и прочих. Важно теперь не только что сказано, но и кем, вернее — откуда, из какой позиции произведено это высказывание. Допускается, что знания, произведенные из разных позиций, к примеру, европейское и коренных океанийцев, принципиально несводимы одно к другому, но могут использоваться одновременно для анализа и оценки процессов и событий.

В таком случае, фундаментальное значение приобретает исследование самих этих позиций, но не частных их признаков, а пересечений, формирующихся признаками. Эти позиции динамичны, они возникают и исчезают, могут быть более или менее устойчивыми. Они имеют различные типы отношений (смежности, связанности, интенсивности обменов — то есть граничности) и соотношений (размерных, масштабных) между собой — то есть существуют как в ареальной, так и в коннекционной логиках построения пространства. Наконец, позиции осмысляют себя, презентуют внутрь и наружу, вступают в отношения власти и тем самым формируют набор часто противоречащих взглядов друг на друга (и на Других), столь же объективных, как и сами позиции. Это последнее свойство ставит географа в затруднение, поскольку формулирует вызов для идеи картографирования как создания объективной позиционной модели.

Обозначению возможности применения позиционной редукции для выделения и описания этих вариантов производства знания и отношений между ними посвящена настоящая статья.

Позициональность

Представления о позициональности знания коренятся в рефлексии антропологами собственного опыта нахождения в поле и попыток представить мир глазами изучаемого ими сообщества [Robertson, 2002]. Ключевой вклад в расширение этого представления и его вывод за пределы узкоспециальной практики сообщества полевых исследователей внесли феминистские ученые 1980-х гг. Донна Харауэй [2022 (1988)] предложила понимать всякое знание как размещенное (англ. situated knowledge): зависящее как от условий, в которых оно было получено, так и от личности автора. Полученные по одной процедуре одних и тех же условиях, женское и мужское знания будут отличаться, как будут отличаться и знания

богатого и бедного мужчин и т. д. Представление об объективности переносится здесь на сам процесс контакта исследователя и объекта, то есть все знания равно-объективны, никакое не имеет преимущества. Однако, по мнению Харауэй и ее последователей, некоторые позиции производства знания (мужская, белая, образованная, богатая и др.) более привилегированы, и поэтому могут навязывать другим позициям представления о собственной (единственной) объективности. Размещенное знание может пониматься либо как существующее в пределах локальной (объединенной общностью опыта и условий) группы и слабо транслируемое за ее пределы, либо (расширительно) как произведенное определенным автором в специфичных условиях. Идеал знания, по Харауэй [2022, с. 258] — это равнозначность множества взглядов: «Я выступаю за политики и эпистемологии местоположения, позиционирования и расположения (англ. *situating*), где частичность и пристрастность, а не универсальность являются условиями того, чтобы быть услышанной, дабы выносить рациональные познавательные суждения <...> за взгляд из тела — всегда сложного, противоречивого, структурирующего и структурированного тела — против взгляда свыше, из ниоткуда, из простоты.»

В известной мере представления о размещенности знания приводят к тотальной релятивизации фактов [Горкин, 2011] через систему сбора информации и нормативные способы ее обработки, которые, в трактовке размещенного знания, спроектированы так, чтобы укреплять господствующую позицию.

Здесь обозначается проблема, на которой акцентируют внимание критики феминистской теории: бесконечное дробление позиций, их неустойчивость и переменчивость. Сколько и каких признаков исследователя необходимо учесть, чтобы соотнести результаты одного с результатами другого? Эта проблема хорошо знакома всякому географу, подступавшему к задаче интегрального районирования территории, и в общем смысле решена созданием «мягкой методики», формирующей кортеж ключевых признаков [Каганский, Новиков, 1989], специфичных для этого конкретного случая [Смирнягин, 2011].

К настоящему времени понимание позициональности значительно расширилось и углубилось [Simandan, 2019], выйдя за пределы изначального фокуса на гендерную проблематику к широкой проблеме разных способов познания мира. Симандан выделяет 4 эпистемологических основания расположенности знания, обуславливающих различие между знаниями, произведенными в разных позициях: реализованность лишь одного из возможных миров (и его низкую вероятность); неполноту и неравномерность наблюдаемого мира относительно всей реальности в зависимости от социального

положения наблюдателя; неполноту фиксируемых данных по сравнению с полнотой наблюдения; неявность части знания и сконструированные отношениями власти барьеры для его распространения. К этому следует добавить представления нерепрезентативной теории [Thrift, 2008] о невозможности описания «в моменте» и фундаментальной ретроспективности знания в отличие от перспективности восприятия.

Наконец, завершающий штрих в мультипликацию позиций вносит представление Соджи [Soja, 1996] о третьем пространстве как упорядоченном наборе представлений о Других из каждой позиции. Для Соджи на эти представления влияют как реальные пространственные практики, так и репрезентации различных позиций, а также воспринятые актором представления одних Других о прочих. Соджа таким образом окончательно запутывает отношения между позициями, с одной стороны показывая их наличие и относительную устойчивость, с другой — акцентируя на многообразии отношений между ними.

Территориальность как ключевое свойство позиции

Устойчивые позиции, которые возможно определить снаружи, самоопределяемые собственным населением (не только человеческим), входящие в отношения с другими позициями, можно описать как высоко-территориализированные. Территориализация — процесс обретения объектом границ и устойчивых гомогенных свойств сформированной таким образом совокупности. Мы употребляем это понятие в делезианском смысле как разновидность «шершавого» пространства, в котором оно вошло в понятийный аппарат теории ассамбляжей [Деланда, 2018].

Ассамбляжи — сборки элементов различного происхождения, объединенных любыми типами отношений (функциональных, материальных, чувственных и др.), в которых возникают эмерджентные эффекты. Территориализированные ассамбляжи (сборки) обладают устойчивым набором элементов и отношений между ними, в них как минимум есть, а как максимум — преобладают материальные компоненты, а значит появляется характерный для них пространственно-временной масштаб. Компоненты высоко-территориализированных ассамбляжей более однородны, их границы более четкие. Повышение связанности компонентов повышает гетерогенность и, как следствие, ассамбляж становится менее территориализированным. В более территориализированных ассамбляжах возможно кодирование, то есть процесс упорядоченной передачи информации, однозначно считываемой внутри границ. В результате этого создается идентичность территориализированного ассамбляжа.

Территория не есть только проекция государства или иного института на земную поверхность (на которой оно проявляет территориальность власти) [Sassen, 2013], она создается плотными сетевыми взаимодействиями агентов разного рода, производя «эффект территории» [Пейнтер, 2022]. В результате, сама территория становится сложным агентом, проявлением ассамбляжа высокой степени территориализации, способного в результате к пространственным отношениям как сложное целое. Субъектность территории как таковой, как целого, сочетающего человеческие и не-человеческие, материальные и экспрессивные элементы реактуализирует ключевые для географии хорологические концепции [Ратцель, 1898; Semple, 1911].

Отметим на полях, что Родман [2007 (1997)] выступал за весьма оригинальное представление о территории как особом способе географического воображения, квазидвумерной упорядоченности объектов, который воображает географ, глядя на карту или представляя себе ее. То есть территория по Родману буквально создается в процессе взаимодействия с картой, что очень близко к современному пониманию карт как способа территориализации через отношения власти [Kitchin, Dodge, 2007].

Территориализированный ассамбляж получает возможность взаимодействовать с другими позиционным образом, выделяя в пространстве место. После этого на него начинают действовать особые силы, описанные Борисом Родманом, а всякая его часть изменяется закономерным образом.

Позиционный принцип и динамика мест

Пространственные аспекты отношений зависят от расстояния между объектами, степени их соседства и характера разделяющих их границ и промежуточных пространств [Родман, 1979]. Расстояние при этом измеряется не только длиной, но временем передвижения, затратами энергии, стоимостью перевозки, учитывается не только геометрически, но и топологически, не только континуально, но и дискретно (количеством звеньев).

Рассмотрение позиции позволяет одновременно увидеть отношения объекта с двумя типами сред: гетерогенными, в которые попадают любые ближайшие предметы вне зависимости от того, есть ли между ними функциональная или иная связь, и гомогенными, с объектами того же класса (человек-человек, город-город).

Сравним это представление с распространенной сегодня теорией географического контекста в его интерпретации Дж. Эгню [Agnew, 1987]. Он выделяет три компонента места: местоположение, локал (свойство делиться внутри на регионы и быть частью региона

[Гидденс, 2003]), чувство места — и добавляет к ним связь между местом и его контекстом. Последний понимается как несколько разномасштабных совокупностей влияющих на происходящее в месте удаленных от него объектов и становится способом отделить собственно пространственные свойства происходящих в месте процессов от всех прочих [Agnew, 1996]. Динамика простираения контекстов места позволяет судить об изменениях в сущности происходящих процессов. Практически это различие на свойства местоположения и контекста повторяет двойную концептуализацию Родоманом среды на непосредственно смежную ареальную и могущую быть удаленной коннекционную. Важно, что Родоман не останавливается подробно на рассмотрении того, что есть собственно место, по сути заменяя его существующей помимо процессов и акторов позицией, тогда как для Эгню и Гидденса место — производная, результат и условие пространственных практик.

Территориализированная позиция превращается в место, обладающее собственными свойствами и логикой развития [Смирнягин, 2012, 2016а]: контекстуальность места тогда может меняться с местоположения на «принципы отношения к месту», на основе которых востребуются различные его качества вне зависимости от соседства. К той же идее обратился Константин Аксёнов [2014], представивший общую схему возникновения и трансформации мест, исходящую (как и у Гидденса и Эгню) из смены сущности явлений, создающих места. Место у Аксёнова [1990] — первичная единица пространства, где в конкретный момент проявляется явление, иное явление в той же точке заняло бы иное место, а при изменении свойств пространства произойдет и трансформация мест. В этом смысле место оказывается подчиненным сущностям — локальным явлениям — тогда как в трактовке теории ассамбляжей оно заменяет саму идею сущностей. Устойчивые во времени (относительно характерного времени существования сущности) контексты формируют среду, которая, в свою очередь, постоянно влияет на сущность, формирующую место. При этом, в случае неустойчивости контекстов, они могут и не формировать среду, тогда их воздействия будут разовыми. И контексты, и среда оказывают влияние на сущность, делая возможным появление новой сущности, и, как следствие, трансформацию места. Это позволяет сделать шаг от представлений о динамике функций места [Минц, Преображенский, 1970] к идее трансформации самого места и явления, его создающего.

Родоман [1979] постулирует, что, если объект не находится в точке своего оптимума, то на него действует давление места, направленное вдоль силовых линий географического поля. Под влиянием этого давления подвижный объект перемещается, а менее подвижный меняет свойства и функции, либо сам формирует новое пространственное положение и

более подходящую среду, либо деградирует. Идея географического поля как результата взаимодействия разнокачественных систем была позже подхвачена и помещена в центр собственных теоретических построений А. Трофимовым и соавторами [Трофимов, Солодухо, 1985, 1989]. В частности, ими сформулировано представление о собственной неоднородности геополя, его «искривленности», которую можно представить в виде квазирельефа. На этой поверхности выделяются стабильные положительные и отрицательные формы (инварианты), совокупность которых формирует основную сетку напряженности.

Пространственно-временная концепция Аксёнова акцентирует динамическую интерпретацию позиционных свойств меняющимися контекстами и собственной динамикой явлений. Места в ней не-субъектны сами по себе, но становятся медиаторами, через посредство которых (и в пространственной логике которых) сущности вступают в контакты с внешними объектами. Позиции тогда диктуют условия, на которых эти контакты осуществляются, а также определяют вероятность контактов.

Место таким образом значимо отлично от позиции: места вступают в конкуренцию за позиции. Территориализирующиеся ассамбляжи стремятся включить в свое место наиболее благоприятные для них позиции. Зачастую в таком случае ассамбляжи вступают в конкуренцию за позицию, которую выигрывает способный вовлечь в такую конкуренцию наибольшие ресурсы. Родоман [1979] полагает, что в случае равносильного спроса формируется периодичность использования — занятия позиции — в частности, сезонность и другие ритмы. Добавим, что возможно также производство новой позиции — трансформация пространства, в ходе которой появляется больше таких позиций — в случае наличия у ассамбляжа ресурсов, но недостаточности их для занятия пригодной позиции. Наконец, возможны ситуации общей перестройки поля, такие как внедрение радикальной инновации или смена способа взаимодействий (например, экономического уклада). Тогда, по Родоману, изменяется положение даже неподвижных объектов: изменение их численности (мощности) в этом месте равносильно перемещению.

Вне зависимости от того, принимаем мы место как непосредственно действующее и реализующее позицию или как медиатора для занимающей его сущности, описание позиционных отношений, формируемых местами (ареальных) и контактами из мест (коннекционных) дает возможность осуществить пространственную редукцию сколь угодно сложного набора элементов ассамбляжа или свойств сущности. Всякое отношение может быть осознано как отношение позиций, всякое отношение власти — как позиционный конфликт. Описывая динамику (де- и ре-) территориализирующихся в

различных позициях ассамбляжей, мы получаем дополнительные (и часто — ключевые) свойства, приобретаемые в этих позициях акторами, явлениями, отношениями, не вытекающие сами по себе из их внутренней логики.

Позициональность и территориальность: вместо заключения

Объекты, воображенные как тождественные, попадая в различные позиции «искажаются, деформируются, подвергаются «коррозии» силами реальной жизни [Родоман, 1979]. Чем дальше отстоит их реальная позиция от воображенной — тем более выраженными будут изменения, вплоть до несовместимых с продолжением первоначального способа существовать. Так позиции размножают акторов. Но также позиции и сближают свойства различных объектов, попадающих в них. Длительное пребывание в общей позиции, становящейся за это время в процессе территориализации общим местом, гомогенизирует объекты, укрепляет единство сборки, запускает устойчивые материальные и выразительные потоки внутри нее. Так позиции создают ассамбляжи, выражающие себя, соотносящиеся с другими и воспринимаемые ими.

Множественность свойств объектов разного генезиса, составляющих территориальные ассамбляжи, может быть таким образом сведена к набору отношений между ними, возникающих в зависимости от типа занимаемой ими позиции. Сами эти позиции неабсолютны и нестабильны, зависят от размера контекста, могут быть объединены в большую или разъединены на несколько, могут деградировать или улучшаться при изменении общих условий.

Позиционная редукция — метод осмысления территориального без рассмотрения конкретных свойств. Позиции могут быть воображены как карта в том случае, если в этот момент они территориализированы — объединены местом. Отношения между позициями неравновесны, это отношения власти и конкуренции. Занятие позиции — само по себе ресурс, ресурсы, в свою очередь, могут быть территориализированы путём создания нужной позиции.

Всякая позиция формулирует собственное воображение пространства вокруг, поляризует его относительно себя. Множество конкурирующих полюсов соединяется с близкими и удаленными позициями, стремясь войти с ними в интенсивные отношения и, как максимум, расширить свою сборку на них. Такое распространение происходит вплоть до достижения баланса между конкурирующими центрами или между затрачиваемым на занятие (производство) позиции ресурсом и производимым в результате этого. В результате вокруг этих линий контакта с близкими позициями и линий связи с удаленными происходит

выделение закономерно повторяющихся зон, формирование поляризующей решетки [Родоман, 1999] — территориального выражения множественности воображений пространства из разных позиций, оптики их контакта друг с другом.

Библиография

1. Аксёнов К. Э. Понятие места в политической географии и особенности пространственной организации власти в США // Известия ВГО. — 1990. — Т. 122. — № 1. — С. 99–105.
2. Аксёнов К. Э. Системообразующие свойства пространства-времени при трансформации общественно-географического пространства // Известия Русского географического общества. — 2014. — Т. 146. — № 4. — С. 69–80.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. — М.: Академический проект, 2003.
4. Горкин А. П. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2011. — № 1. — С. 8–16.
5. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. — Пермь: Гиле Пресс, 2018.
6. Каганский В. Л., Новиков А. В. Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1989. — № 1. — С. 112–119.
7. Каганский В. Л., Шрейдер Ю. А. Карта как общий способ представления знаний // Научно-техническая информация. Сер. 2. — 1992. — № 5. — С. 1–6.
8. Каганский В. Л. Неметафора: феноменология картографического изображения // Логос. — 2022. — Т. 32. — № 6. — С. 217–244.
9. Минц А. А., Преображенский В. С. Функция места и ее изменение // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1970. — № 6. — С. 118–131.
10. Пейнтер Д. Переосмысляя территорию // Городские исследования и практики. — 2022. — Т. 7. — № 2. — С. 13–34.
11. Ратцель Ф. Политическая география / Изложил Л. Д. Синицкий // Землеведение. — 1898. — Т. 5. — № 3–4. — С. 21–74.
12. Родоман Б. Б. О применении методов теоретической географии в негеографических задачах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 1970. — № 4. — С. 90–91.
13. Родоман Б. Б. Позиционный принцип и давление места // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 1979. — № 4. — С. 14–20.
14. Родоман Б. Б. Сетевая поляризация территории // Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. — Смоленск: Ойкумена, 1999. — С. 170–183.
15. Родоман Б. Б. Профанация географических понятий // Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды. — Смоленск: Ойкумена, 2007. — С. 132–150.
16. Родоман Б. Б. Незавершённые темы и точки роста в моих работах // Региональные исследования. — 2021. — № 2. — С. 13–23.
17. Смирнягин Л. В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2011. — № 6. — С. 13–19.
18. Смирнягин Л. В. Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И. М. Маергойза. — 2012. — С. 421–456.
19. Смирнягин Л. В. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика. — 2016а. — № 4. — С. 84–105.

20. Смирнягин Л. В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2016б. — № 4. — С. 7–19.
21. Трофимов А. М., Солодухо Н. М. О единой теории географического поля // Известия ВГО. — 1985. — Т. 117. — № 1. — С. 36–41.
22. Трофимов А. М., Солодухо Н. М. О соотношении теоретической географии и единой теории географического поля // Известия ВГО. — 1989. — Т. 121. — № 1. — С. 39–43.
23. Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимущество частичной перспективы // Логос. — 2022. — Т. 32. — № 1. — С. 237–271.
24. Agnew J. A. Place and politics: The geographical mediation of state and society. — Routledge, 1987.
25. Agnew J. Mapping politics: how context counts in electoral geography // Political geography. — 1996. — Vol. 15. — No. 2. — P. 129–146.
26. Kitchin R., Dodge M. Rethinking maps // Progress in human geography. — 2007. — Vol. 31. — No. 3. — P. 331–344.
27. Robertson J. Reflexivity redux: A pithy polemic on "positionality" // Anthropological Quarterly. — 2002. — Vol. 75. — No. 4. — P. 785–792.
28. Sassen S. When territory deborders territoriality // Territory, politics, governance. — 2013. — Vol. 1. — No. 1. — P. 21–45.
29. Semple E. C. Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography. — New York: Henry Holt, 1911.
30. Simandan D. Revisiting positionality and the thesis of situated knowledge // Dialogues in human geography. — 2019. — Vol. 9. — No. 2. — P. 129–149.
31. Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. — Wiley-Blackwell, 1996.
32. Thrift N. Non-representational theory: Space, politics, affect. — Routledge, 2008.